

День 13

Я - [Император]. Это факт.

Но я не знаю, что это значит. После целого дня спекуляций и беспокойств у Дюрен больше не было для меня ответов.

Скорее всего, Дюрен так переволновалась именно из-за моего класса. Для меня это просто малозначимое название; что-то, что я получил, просто попробовав что-то новое. Но для Дюрен этот класс автоматически делал меня королевской персоной.

Хотя нет... разве [Император] не выше по статусу, чем [Король]? Король может править в силу рода, но император теоретически может править несколькими странами, а значит, и королями.

Хм.

Ого.

Думаю, это очень важно, но, опять же, я только 1-го Уровня, и всё, что у меня есть, – это один странный навык. Когда я сказал об этом Дюрен, она ответила, что не видит вокруг меня ничего похожего на ауру, но не все навыки работают постоянно. Некоторые навыки, как, например, её навык [Увеличенная Сила], по сути, являются постоянным пассивным изменением, но другие нужно использовать.

По всей видимости, слова или фразы, активирующего [Ауру Императора], нет. Поверьте мне, я пытался его найти и, вероятно, выглядел довольно глупо, делая это. Что бы ни представлял из себя мой навык, как и мой класс, – это тайна, решение которой придётся отложить.

Я вздохнул, осторожно ступая по грунтовой лесной тропинке возле дома Дюрен. Давненько я не бывал в одиночестве, и, честно говоря, мне нужен был этот перерыв. Милая хозяйка этого дома возилась со мной весь день и даже не хотела отпускать меня одного.

Это был спор, в котором она не могла выиграть. Её забота трогательна, но я ведь не прикован к кровати; мне необходимо разминать ноги, и я ненавижу, когда меня всё время сопровождают. Держаться грунтовой дорожки было довольно легко, и я не собирался забредать так уж далеко. Дюрен показала мне маршрут, и я его запомнил.

— Ну и безумие!

Это даже слабо сказано. Благодаря Дюрен я привык жить в этом мире, но теперь в моей голове завертелась куча вопросов. Как я могу вернуться домой? Это вообще возможно?

Дюрен убеждена, что всё со мной произошедшее было результатом магии. Я склонен согласиться, однако если любое обычное заклинание может телепортировать меня через миры, то я съем свою шляпу. Нет, произошло что-то серьёзное, что затащило меня сюда, и я должен выяснить, что именно.

И я не смогу сделать это в Риверфарме. Мне нужно выйти в мир. Одиному слепому парню в мир, полный монстров и магии.

Можно уже назначать дату поминок. Но для [Императора] всё иначе, разве нет? Какая разница между слепым человеком и слепым [Императором]?

Наверное, разница во всём. Потому что один из них – [Император].

Император Америки Нортон I. Знаете, почему мне понравилась его история? Потому что он был Императором Соединённых Штатов в своей голове, и ничто не могло это у него отнять.

Быть слепым иногда отстойно. Для меня это нормально, но бывают дни, когда меня поглощает разочарование. Разочарование от того, что другие люди могут безо всяких усилий делать то, для чего мне приходится прикладывать немало сил. Я никогда не смогу поймать мяч, водить машину или даже рисовать. Некоторый опыт, о котором говорят другие люди, для меня закрыт.

Это немного несправедливо. И, когда я был моложе, я ненавидел то, как со мной обращались. Иногда, да, иногда, я чувствовал себя неполноценным, потому что люди думали обо мне именно так. Вот он, слепой ребёнок. Он не может оценить это или сделать вот то. Он другой. Не такой, как все.

Да, я слепой. Но независимо от того, признают ли это другие или нет, у меня есть своя ценность.

Я остановил свой шаг. Вот я здесь, в лесу, которого не вижу. В мире, совершенно отличном от моего родного. Кто-то может сказать, что отличий для слепого не так уж и много, но я чувствовал разницу в каждом своём шаге. Каждый раз, когда я слышал зов новой птицы или касался рук Дюрен, я понимал, что она другая, и меня охватывало изумление.

Я - [Император]. Никто не может у меня это отнять. Может, я и получил этот класс легко... просто объявив себя таковым, но даже так я в это верил. И верю. Когда ты слеп, мир иногда полон неопределённости. Когда я встаю и хожу по дому, я должен верить, что в нём всё так же, как я оставил.

Я доверяю вещам, которых касаюсь своей тростью, так же, как зрячий человек доверяет своим глазам. Но я готов к тому, что когда я промахнусь тростью мимо ветки или чего-то ещё, то угожу прямо в кустарник. Проще говоря, в некоторые дни я готов сорваться с обрыва, потому что я никогда не могу на 100% быть уверен в том, что находится передо мной. Но я должен верить, что ступлю на твёрдую землю.

Так что я верю вот во что: я - [Император]. Я должен начать вести себя как император, а не беспокоиться о том, что это значит.

Так что же мне делать? Что должен делать [Император]? Я поразмышлял над этим некоторое время, продолжая медленно идти по лесу.

— Я - [Император]. Следовательно, всё, что я захочу сделать, - это то, что сделал бы [Император]. Неправильных решений нет.

Но есть ли более правильные? Я помню, как изучал историю Карла Великого. Насколько я помню, этот человек был империалистом, и он более или менее лично участвовал в завоевательских войнах. И всё же он также провёл огромные реформы во всей своей империи.

Нортон тоже их провёл, по крайней мере, в теории. Он хотел упразднить Конгресс, чтобы защитить свою империю, и ходили слухи, что он встал перед толпой, чтобы защитить китайских иммигрантов во время расовых беспорядков. Независимо от того, достоверно ли это исторически или нет, у [Императора] есть долг перед своей империей и теми, кем он правит.

Он обеспечивает их безопасность, защищает их, делает их лучше.

Хотел бы я сделать это для Дюрен. Если она моя единственная подданная, то что я могу для неё сделать? Я шёл, размышляя, и остановился только тогда, когда заметил Дюрен, которая не очень-то скрытно пыталась проследить за мной в лесу. Прятаться она совершенно не умеет. Но ей не всё равно, и именно поэтому она мне и нравится.

Она мне очень нравится. Мне только хотелось бы, чтобы она мне всё рассказала.

День 14

Как бы поступил любой хороший [Император]? Что бы сделал любой здравомыслящий человек, оказавшись в другом мире и тем более в игровом? Сегодня я задал Дюрен бесчисленное множество вопросов о Риверфарме и мире. Я и раньше задавал ей много вопросов, но теперь я собрал в голове все самые важные.

— Значит, ты никогда не выходила за пределы деревни дальше, чем на несколько миль?

— Нет. Никогда.

Мы с Дюрен сидели вместе, потягивая мятный чай. Он довольно крепкий, поскольку мы использовали настоящую мяту, заваренную в горячей воде. Жаль, что мы не можем добавить немного мёда или сахара: у Дюрен нет ни того, ни другого.

Она небогата. Это очевидно, хотя мне пришлось немного потанцевать вокруг этой темы.

— Значит, ты зарабатываешь несколько монет, продавая свой урожай и время от времени животных. Но ты никогда не ездила с торговой тележкой в город?

— Нет.

Она заёрзала на своём месте, прихлёбывая чай. Ей не по себе. Я вздохнул.

— Знаешь, Дюрен. Мне совершенно всё равно, что ты немного отличаешься от других людей. Ты хорошая девушка, и независимо от того, кто ты, я не буду тебя осуждать.

Молчание. Затем её глубокий голос дрогнул:

—Ты?.. Кто-то?..

— Нет. Я достаточно умён, чтобы понять, что ты что-то скрываешь. Но я не буду спрашивать, пока ты не будешь готова. Я надеюсь, что ты знаешь, что можешь мне доверять.

— Я знаю. И доверяю! Просто...

Похоже, она на грани слёз. Я протянул руку и коснулся её кружки вместо её пальцев. Дюрен рассмеялась, когда я скривился и перевёл ладонь на неё огромную руку.

— Не торопись. Я никуда не уйду. А теперь расскажи мне, каково это – жить здесь? Ты когда-нибудь видела монстров?

— Ну...

Монстры. Я даже представить себе не могу, какие они. По словам Дюрен, в плане монстров здесь всё не так уж и плохо. Единственная реальная проблема – гоблины, и деревня немедленно посылает авантюристов, чтобы их искоренить, если их заметят поблизости.

Но... да, по сравнению с моим миром, есть огромная разница в количестве опасностей, с которыми приходится жить людям в этом мире. Я беспокоился о медведях, грабителях или войнах, но никогда – об ужасных маленьких зелёных существах с острыми, как ножи, зубами.

Боже, как же жутко звучали их описания.

— Когда приходят гоблины – это плохо. Всем приходится сдавать деньги, чтобы собрать за них награду, но авантюристам всегда требуется несколько недель, чтобы приехать, и я не знаю, что мы будем делать, если появится Вождь гоблинов.

Гоблины, очевидно, представляли бóльшую угрозу в северной части Изрила, чем в южной. Всё дело в плотности населения, или так мне кажется. Люди в основном сосредоточены на севере, а юг принадлежит дрейкам, гноллам и чему-то, что называют антинумами. Поэтому монстры, соответственно, чаще появляются на севере, так как тут больше еды. Странно; я бы ожидал, что их будет больше в местах, где люди встречаются реже, но, с другой стороны, эти монстры не добыча, а хищники.

Риверфарм находится не так уж глубоко на севере, хотя он довольно далеко от Высокого Перевала – огромного горного хребта, похожего на Гималаи, который разделяет континент на две части. Ближайший крупный город – Инврисил, город авантюристов, названный так потому, что там проживает самое большое количество авантюристов на континенте. Как действующих, так и бывших.

— У них там есть команды Золотого ранга. Иногда можно встретить даже Именных авантюристов! Говорят, их рынки полны магических предметов и диковинных штук, таких как части мёртвых монстров, редкие драгоценные камни и артефакты.

Голос Дюрен был наполнен изумлением, пока она описывала город. Должен признать, этот образ меня тоже не оставил равнодушным. Но, разумеется, авантюристы, которых может позволить себе Риверфарм, далеки от той элиты.

Все жители деревни, включая Дюрен, откровенно бедны. Особенно Дюрен, но и другие жители богатством не отличаются. В год они зарабатывают несколько золотых монет, если повезёт с погодой и урожай окажется обильным. В лучшем случае. В худшие времена они переходят на самообеспечение или умирают с голоду.

— Все берегут свои монеты. Например, мистер Прост копит всё заработанное; он тратит деньги только тогда, когда ему нужно купить новые инструменты или починить повозку. Скоро ему нужно будет купить новую лошадь для плуга; я помогаю, но Эвера – лошадь – уже старая. Они хотят начать разводить свиней, но это дело будущего, и им всегда пригодилось бы больше монет, чтобы отремонтировать дом...

— А есть кто-нибудь в вашей деревне, кто особенно богат? Кузнец?

— Не особо. У него не так много уровней, и, знаешь, он ещё и [Фермер]. В городе есть другой [Кузнец], у которого больше уровней. Изредка приходят люди из других деревень, предлагая работу, но никогда – больше чем за несколько серебряных монет. В лучшем случае.

— Похоже, что ваша деревня и сама по себе живёт довольно хорошо.

— В некоторые годы. В прошлом году всё было хорошо, но позапрошлый был голодным. Если у нас плохой урожай или зима приходит рано, всем очень тяжело. Деревенские делают всё возможное, но иногда случаются плохие вещи. И с тех пор как они меня приняли...

Она прервалась. Кажется, я понял эту часть. Дюрен огромная. Она не обязательно толстая; она не позволяет мне прикасаться к себе, но я знаю, что она может передвигаться с удивительной скоростью, даже быстрее, чем я. Так что она, наверное, не толстая, но большая. Она ест примерно в четыре раза больше, чем я за каждый приём пищи, как минимум.

— Я стараюсь много помогать. Но я могу только тянуть и поднимать вещи. У меня нет никаких Навыков.

— Ты говорила, что ты [Фермер] 6-го Уровня, так?

— Да. Я не слишком низкого уровня для своего возраста... хотя некоторые уже достигают 15-го Уровня, но меня никогда не учили, поэтому я развиваюсь медленнее.

— А что насчёт твоего отца? Твоей матери? Чем занимались они, когда ты росла?

Дюрен медлила. Я ждал в тишине, пока пустая чашка мятного чая в моих руках источала остатки тепла. Затем я услышал её бормочущий голос:

— Мама умерла, когда мне было четыре. Отца я никогда не видела. Он тоже умер.

День 16

Я думаю, что Дюрен до сих пор подавлена после нашего последнего разговора. Мы мало разговаривали... точнее, разговаривали, но не о важных вещах. Я проводил большую часть времени, помогая Дюрен закончить сбор урожая. Большинство её растений полностью выросли, и сегодня мы сорвали несколько тыкв.

Она хочет подготовиться к зиме, хотя мне кажется, что до неё ещё далеко. Но, опять же, я не знаю этого мира, поэтому погода здесь может меняться очень быстро.

Я также чувствовал, что Дюрен что-то решала в своей голове. Скорее всего, она размышляла, стоит ли рассказывать мне о своём прошлом. Мне кажется, что иногда, когда она делала паузы в разговорах со мной, всё это уже готово было сорваться у неё с языка.

Но пока нет. Я терплю. Я давно научился терпению, а пока я могу научить Дюрену чему-то другому.

— И вот так твоё сердце посылает кровь по всему телу. От головы до пальцев ног. Так что можно потерять руку или ногу, если сможешь остановить потерю крови, но сердце необходимо.

Дюрен почесала голову.

— Но разве сердце не устаёт? Я устаю от ходьбы целый день. Как сердце может биться всё время?

Я усмехнулся.

— Это самая сильная мышца в теле. И она устаёт. С возрастом у людей случаются сердечные приступы – когда сердце останавливается. Есть причина, по которой мы не можем жить вечно; наши тела начинают ломаться, когда всё перестаёт работать.

— О. Это имеет смысл.

— Я не знаю, как стареют люди в этом мире, но самым старым людям из моего мира около ста лет. Редко больше.

— Сто лет? Это очень много! Старик Шнель умер, когда ему было 62, и он был старым.

— Ну, на то, как долго ты сможешь прожить, кое-что влияет. В основном это просто случайности или особенности тела, но то, что ты ешь, как ты живешь – всё это может повлиять на твоё здоровье. Например, еда. Помнишь, что я говорил о сбалансированном питании?

— Эм...

Учить Дюрен основам биологии, естественных наук и так далее довольно весело. Мне кажется, что математика ей не так уж важна, а её навыки разговорной речи и так хороши... хотя она не умеет писать, но с этим я ей помочь не смогу.

Её никто не учил, но её буду учить я. Не все знания обязательно будут практичными, но я надеюсь, что что-то из этого поможет. Дюрен впитывала все мои уроки, как губка, пока мы собирали урожай и готовили. Помогать ей расти над собой – это то, что делало меня счастливым. Так поступил бы [Император]. Так поступлю я.

День 17

Сбор урожая продолжается. Очевидно, другие жители деревни тоже собирали свой последний урожай в этом сезоне. Может, они смогут получить ещё что-то со своих посевов, а может, и

нет. Мы отнесли запасы Дюрен в погреб.

...Я раньше и не знал, что в её доме есть погреб, но оказалось, что есть и довольно большой! Это меня поразило; я бы никогда не догадался о существовании ведущего туда люка.

День 19

Прошлой ночью я повысил уровень! Теперь я [Император] 2-го Уровня. Что вызвало это изменение? Дюрен понятия не имела, но я, кажется, знал, в чём дело. Она – моя подданная. Её обучение и уход за этим маленьким домиком, который я объявил своим, – это то же самое, что улучшать свою империю, если так подумать. Всё дело в восприятии. Возможно, есть предел тому, сколько опыта я получу таким образом, но пока что я буду брать то, что дают.

Хотя я не знаю, что мне даст дополнительный уровень. Я не получил никаких навыков и до сих пор не разобрался с [Аурой Императора].

Хм...

День 20

Я проснулся, услышав странный звук. Шаги Дюрен. Хруст.

Со звуком шагов у меня обычно всё просто. Я могу отличить некоторых людей по тому, как они

ходят. У них есть свой темп, и, разумеется, вес заставляет их шаги звучать по-разному. Шаги Дюрен явно трудно с чем-то спутать.

Но на что она наступала? Не может же это быть то, о чём я думаю.

— Снег?

Это действительно оказался снег! По всей видимости, весь мир решил проснуться и измениться, пока я спал. Дюрен сказала мне, что снег в этот регион принесли Зимние Спрайты, что заставило меня задуматься над её пониманием того, как устроена погода.

Однако... очевидно, в этом мире странные танцующие огоньки, известные как Зимние Спрайты, могут управлять погодой. По словам Дюрен, они также та ещё напасть. Они бросаются снегом, докучают и устраивают розыгрыши.

Для меня в этом было мало смысла, но одно было ясно: наступила зима. И, о боже, как теперь холодно!

Я помог Дюрен зажечь камин в её домике. Рано утром ей пришлось бежать на улицу за дровами.

— Обычно я держу охапку внутри, но в этом году забыла. Дрова сыроватые, но я думаю, что они разгорятся.

После этих слов Дюрен чихнула. Судя по голосу, ей явно холодно. В её домике без жаркого огня в камине воцарилась неприятная прохлада. Я говорил, что этот дом уютный, но очевидно, что Дюрен не помешал бы дом понадёжнее, как те, что есть в деревне.

Раздражение. Вот что я испытал. Я помог сварить густой суп, пока Дюрен расчищала снег, приносила нарубленные дрова и так далее, перед тем как мы сытно поужинали. Но я не мог отделаться от того, что сейчас, когда из-за снега я практически не был способен ориентироваться на улице, я чувствовал себя обузой.

Прошло некоторое время, прежде чем огонь разгорелся, но, как только это произошло, мы

смогли согреться. Дюрен утверждала, что сможет нарубить достаточно дров на зиму, и бодро рассказывала про нашу еду. По её словам, урожай выдался хорошим, но такая жизнь ближе к выживанию, чем мне бы хотелось. Здесь нет супермаркетов.

Но, по крайней мере, у нас появилась зимняя одежда. Жители деревни отправили немного с женой Проста, Есель. Она пришла около полудня с тёплыми вещами для меня. Это было хорошо... я уже устал от своего единственного комплекта одежды.

Согласно этикету, мы предложили ей что-нибудь поесть и немного согревающего мятного чая. Я завёл с Есель беседу. Она с удовольствием болтала со мной, пока Дюрен слушала. Это очень мило, но я чувствовал, как она разговаривала с Дюрен. А также её намёки.

— Мы будем рады поселить вас в нашем доме на несколько дней, пока не пройдёт первый холод. Дети уместятся в одной комнате, я уверена.

Хотя это даже намёками не назвать. Она прямо говорила мне, что хочет, чтобы я вернулся в деревню с ней. И Дюрен явно не была недовольна, но не хотела возражать.

Я спокойно потягивал чай. Какой здесь лучший ответ? Ну, очевидно: нет.

— Прошу прощения, мисс Есель, но Дюрен так хорошо меня устроила... мы только что соорудили второе спальное место. Я бы с удовольствием отобедал в вашем доме, но пока я чувствую, что должен остаться здесь. Как вы понимаете, мне бы не хотелось выходить на дорогу в моём состоянии.

— Ох, да, я уютно устроила его, мисс Есель. И я могу достать здесь всё, что нужно Лейкену...

— Не сомневаюсь, Дюрен, — вежливо перебила Есель Дюрен.

У меня такое чувство, что, несмотря на дружелюбный тон, она не улыбалась. Она протянула руку, чтобы коснуться моей. Я дёрнулся, и женщина убрала руку обратно. Ненавижу, когда люди без предупреждения ко мне прикасаются.

— Прошу прощения. Но я уверена, что мы могли бы попросить Дюрен потянуть повозку, если

вы не хотите идти пешком. Это займёт всего несколько минут пути.

Так вежливо. Так дружелюбно. Я чувствовал невидимые взгляды, которые она бросала на Дюрен. Мою кожу покалывало, но я улыбнулся в ответ.

— И всё же мне бы совсем не хотелось отнимать у вас комнату. У детей должно быть много места, и я не хочу вас всех стеснять.

Теперь она заколебалась. Я точно знаю, что мой poker-фейс безупречен, и она не может понять, невинно ли я туплю или же я ей отказываю. Однако Есель выбрала новый подход.

— Ну... Битры тоже говорили, что будут рады, если вы заглянете к ним на ужин. И у них есть свободная комната, оставшаяся от их дочери, которая, к сожалению, скончалась прошлым летом. Вы могли бы присоединиться к ним. Что скажете?

— Мм... ну...

— Там будет намного просторнее, чем здесь. Я знаю, что Дюрен сделала всё возможное, но не слишком ли здесь мало места для двух разумных?

— Я могу спать на улице! Или в погребе. Я не против...

— На самом деле, мне нравится теснота.

На этот раз Дюрен перебил я. Я безмятежно улыбался, хотя с каждой секундой раздражался всё больше и больше. Я чувствовал реакции Есель с противоположного конца стола.

— Думаю, всё в порядке, правда, мисс Есель. Дюрен – прекрасная хозяйка. Она оказала мне неизмеримую помощь, и я в полной уверенности, что она будет продолжать это делать и впредь.

Дюрен молчала, возможно, в смущении, и Есель тоже затихла. Затем она обратилась

непосредственно к Дюрен:

— Дюрен? Почему бы тебе не пойти и не принести нам ещё дров? Я уверена, что мистеру Лейкену довольно прохладно.

Я прикусил губу, когда Дюрен без слов поднялась, чтобы сделать то, что сказала Есель. Мистер Лейкен чувствует себя прекрасно, спасибо. И Дюрен не должна подчиняться чужим приказам в своём собственном доме.

Но, поскольку Есель сделала нам подарок и поскольку у меня нет – пока нет – полной картины, я слушал. Есель наклонилась вперёд, чтобы поговорить со мной, пока я слышал передвижения Дюрен снаружи.

— Дюрен – хороший ребёнок, мистер Лейкен. Иногда. Но мы поселили её именно здесь, чтобы она не создавала проблем, если... Она сказала вам, кто она?

— Нет. Я думаю, она скажет мне, когда ей будет удобно.

— Да, но мне кажется, вы не совсем понимаете, в чём проблема.

Я вскинул бровь.

— Проблема? У меня с Дюрен проблем не было, мисс Есель. Если только вы не думаете иначе?

— Нет...

Она сказала это, явно имея в виду обратное. Я услышал причмокивание, а затем снова её голос:

— Но некоторые из нас, деревенских... Дюрен была удивительно добра, приняв вас, но она не та, кого следует держать взаперти с вами – с кем-то вроде вас – всю зиму. Для всех будет лучше, если вы останетесь в деревне. Мы с радостью вас примем.

И мне там, скорее всего, не понравится. Я услышал, как Дюрен подняла что-то с ворчанием, и покачал головой.

— У меня нет никаких проблем с Дюрен, мисс Есель. Я останусь здесь.

Теперь в голосе женщины появилось раздражение:

— Я действительно не думаю, что это разумно. Дюрен...

— ...Это Дюрен. Думаю, вы хотели сказать именно это, мисс Есель. Пожалуйста, не говорите ничего другого. Я предпочитаю, чтобы люди хранили свои секреты.

— Но!..

Это и так продолжалось достаточно долго. Я встал.

— Хорошего дня, мисс Есель. Благодарю за одежду.

После этого она мало что могла сказать. Я практически её прогонял, а Дюрен, вся в снегу и в недоумении, едва успела попрощаться.

Ладно, может, так быстро отшивать женщину было невежливо, но она вела себя невероятно грубо. Я знаю, что у Дюрен есть секрет, но почему они не доверяют, чтобы я с ней находился? Я без проблем ночую под её крышей уже больше двух недель.

После ухода Есель в домике Дюрен снова стало уютно и тепло. Я был вполне доволен, а Дюрен вздохнула с облегчением от того, что я остался. Она продолжала нервно болтать обо всём, кроме того, что означал этот разговор.

Позже до меня дошло, в чём проблема. То есть у меня с Дюрен как раз проблем не было, кем бы она ни была на самом деле. Но Есель и другим жителям деревни не нравилось, что мне всё

равно.

Ни капельки.

День 22

Я только начинал привыкать к новым реалиям в условиях морозной погоды. Без Дюрен я не мог по-настоящему ориентироваться на улице, но мы всё ещё устраивали прогулки по снегу. Разумеется, мне приходилось укутываться, как капусте, но это нестрашно.

И не то чтобы нам не хватало дел внутри дома. Оставалось ещё столько всего, чему никто никогда не учил Дюрен – то ли потому, что в этом мире нет стандартов образования, то ли потому, что никто не учил конкретно её, – и мне нравится с ней разговаривать.

Но иногда мы всё же выбирались наружу – хотя бы для выполнения жизненно важных задач. Несмотря на приличную конструкцию, сортир Дюрен промораживал меня до костей в те моменты, когда я пытался заняться своими делами. Это замедляло процесс, но она терпеливо меня ждала, пока я пытался ускорить естественные процессы в организме.

Именно в этот момент я услышал смех и злобные голоса. Дети – деревенские дети – бежали по тропинке к домику Дюрен, пока я засел в сортире.

— Уродина! Выходи, уродина!

— Вот она! Получай!

Это словно слушать кино, вот только сидел я в холодном кинотеатре, и у меня не было пакета с попкорном. И это реальность, поэтому моё сердце сразу же заколотилось сильнее, когда я

услышал голос Дюрен:

— Ой! Хватит!

Что происходит? Я слышал какие-то глухие удары, звуки снега...

Снежки. Эти маленькие ублюдки бросались снежками! Судя по звукам снаружи, Дюрен ничего не делала, просто пыталась защититься. Дети смеялись.

— Получай! Она [Ведьма]!

— Она обманывает слепого! Убьём уродину!

— Неправда! Я... ай!

Больше смеха, больше звуков бросаемых снежков. Я судорожно схватился за штаны, пытаюсь сообразить, что делать, пока ситуация снаружи обострялась.

Эти... между тем, чтобы веселиться и быть злобными маленькими демонами, есть разница. Я должен что-то сделать. Но что?

На несколько секунд я задумался о последствиях. У Дюрен свои отношения с жителями деревни. Кто я такой, чтобы в них вмешиваться?

Кто я?

[Император].

Ох.

Конечно.

Как я мог забыть? Этот дом – моя империя; Дюрен – моя подданная. А эти надоедливые сопляки к ней пристают. У меня есть долг перед ней.

Я открыл дверь сортира не то чтобы пинком, но явно с большей силой, чем обычно. Честно говоря, мне бы не хотелось в гневе сломать дверь. Никто не хочет, чтобы ветер и ледяная крошка летели прямо на их интимные части в разгар уединения.

Стоило мне ступить на снег, как смех оборвался. Я повернулся в сторону детей.

— Эй. Вы все. Прекратите.

Не совсем боевые слова, да, но произнёс я их крайне серьёзным тоном. И это всего лишь дети. Я услышал неловкие шевеления, а затем голоса:

— Что нам?..

— Он ничего не знает! Он слепой!

— Да! Мы должны прогнать уродину!

Я указал в их сторону.

— Я не ценю хулиганство. Держитесь от Дюрен подальше. Если вы, маленькие ублюдки, ещё раз бросите в неё снегом, это будет иметь последствия.

В течение двух секунд я думал, что это сработало. Затем один из детей неуверенно рассмеялся и заговорил насмешливым тоном:

— Ты ничего не сделаешь! Ты даже ничего не видишь!

— Да! Он любит уродину больше, чем настоящих людей!

— Получай!

Что-то пролетело мимо моего лица, и я вздрогнул. Дерьмо. Внезапно вся враждебность банды детей перенеслась на меня. Снежок, наполненный льдом, разбился о моё пальто, пока я думал, что мне делать дальше.

— Прекратите!

Между мной и детьми встало что-то огромное. Я почувствовал, как Дюрен заслонила меня собой.

— Смотрите! Уродина мешает!

— Так её!

— Бросайте это! Поешь шишек, уродина!

Что-то отскочило от Дюрен, и она вскрикнула. В этот момент я сорвался.

— Достаточно.

Я оттолкнул Дюрену в сторону, и это слово вырвалось из меня, словно крик. Вот только это не было криком. Это... что-то другое.

Ярость, пылающая в моей груди, вспыхнула и привязала себя к этому слову. Она вырвалась наружу, и я почувствовал, словно меня покинуло что-то физическое.

Что произошло? Что я только что сделал?

Я слышал крики, а затем звук чьей-то рвоты. Затем я слышал шаги, бег, смятение, крики...

И тишину.

— Дюрен? Что происходит?

Я протянул руку, коснувшись широкой спины, покрытой тканью. Я чувствовал, как холодная кожа Дюрен дрожала, а затем она взяла мою руку в свои мозолистые ладони.

— Лейкен? Я... я не знаю. Ты только что что-то сделал. Дети... они все убежали!

— Это сделал я?

По всей видимости. И это должно быть...

— [Аура Императора]. Дюрен, расскажи мне, что случилось.

Мы стояли на снегу, пока Дюрен пыталась рассказать, что произошло. По её словам, всё случилось внезапно. Я закричал, и словно что-то ударило детей. Она почувствовала присутствие... и внезапный страх. Но то, что я сделал, не было направлено на неё, поэтому ощущение возникло всего на мгновение.

У детей явно была более бурная реакция. Они оставили следы. Я не знаю, что я сделал, не наверняка, но я могу догадаться.

— Я был зол. Серьёзно взбешён. Видимо, я использовал это, чтобы напугать их. Аура... возможно, я смогу использовать её и по-другому.

Я мог вспомнить это ощущение. Оно было физическим; словно я посылал часть себя в мир. Это

было удивительно и пугающе. Я никогда раньше не испытывал подобных ощущений, но я рад.

Да, я рад, что сделал это. И Дюрен тоже. По-своему.

— Ты не должен был этого делать. Не нужно было! Будут неприятности...

— Если и будут, то не из-за нас. Эти дети не имели никакого права тебя доставать.

— Но они просто...

— Они просто нетерпимые идиоты. Я больше никому не позволю так поступать. Это прекратится сейчас.

Как? Я не знал. Но я знал наверняка, что уверен в каждом своём слове, пока мы с Дюрен обсыхали. Как мне остановить этих детей, кроме как снова использовать этот навык?

Забор? Слишком сложно, и они просто перелезут через него или как-то обойдут. Медвежий капкан? Наверное, нет.

— Думаю, когда они придут в следующий раз, мы можем просто закопать их в снег головой вниз. Я буду держать их за ноги, а ты – копать яму.

Дюрен нервно захихикала, и я улыбнулся, изобретая всё новые шутки, чтобы её рассмешить. Но я не мог отделаться от ощущения, что я что-то затеял.

И я был прав. Не прошло и тридцати минут, как я услышал чьё-то приближение. Дюрен напряглась и сказала мне, что пришёл Прост. Мы пригласили его войти, и он в считанные секунды озвучил цель своего визита:

— Дети сказали, что вы что-то сделали, мистер Лейкен. Они не пострадали, хотя крайне напуганы. Нам бы хотелось знать, что случилось.

— Ох, ну, знаете, мистер Прост, я услышал, как они бросали снежки и сосновые шишки в Дюрен, и поговорил с ними. Мы ведь не можем допускать, чтобы дети вот так нападали на людей, не так ли?

— Нет, полагаю, что нет. Тем не менее это было немного чересчур, чтобы так поступать из-за такой мелочи, разве нет? Я уверен, что дети ничего такого не имели в виду. Да, они дразнят Дюрен, но в этом нет ничего такого.

Я старался сдерживаться, и мой голос был мягким и дружелюбным, словно затишье перед бурей.

— Я уверен, что вы правы, мистер Прост. Я уверен, что они ничего такого не имели в виду, бросая снежки. Или выкрикивая язвительные оскорбления.

Он заёрзал, и я услышал, как Дюрен сглотнула.

— Мистер Лейкен, вы кажетесь достаточно хорошим молодым человеком. Но есть кое-что, чего вы не знаете о Дюрен.

— Так мне говорили ваши дети, ваша жена, а теперь и вы. Мне казалось, я ясно дал понять, что мне всё равно.

— Тем не менее, сэр. Дюрен - другая.

— Мистер Прост!

Я почти чувствовал, как Дюрен отшатнулась назад. И теперь я разозлился только больше, чем тогда, на детей.

— Прекратите это. Да, вы, мистер Прост. Дюрен была ко мне исключительно дружелюбна, с тех пор как я здесь оказался. Ваши дети, напротив, напали сначала на неё, а затем и на меня.

— Я знаю это, сэр, и я прослежу, чтобы они усвоили урок. Сидеть они не смогут, обещаю. Но Дюрен...

— Да что у вас с ней за проблема?

Я сорвался. Не мог больше сдержаться.

— Дюрен - другая. Я понял. Но какая разница? Она - друг. Мой друг. Если у неё есть секрет, она сама мне его расскажет. А теперь, я думаю, вам пора уходить.

Прост помедлил, но не встал.

— Ты можешь думать, что с Дюрен всё в порядке, но ты не видишь её так, как мы. Дюрен, ты достаточно хорошая девушка, но...

Я встал.

— Достаточно. Я думаю, вам лучше уйти, мистер Прост. Сейчас же.

Мужчина тоже встал. Теперь он был зол.

— Ты не понимаешь ситуацию, мистер Лейкен. Дюрен - проблема нашей деревни, и до этого с ней было достаточно легко справиться.

— Я...

Я почти забыл, что Дюрен с нами в комнате. Она говорила, как мышка... большая мышка.

— Я ничего такого не делаю! Я просто хочу помочь Лейкену!

Голос мужчины был ровным:

— Ты не одна из нас. Ты помогаешь... но мы не просто так держим тебя на расстоянии. Помнишь своего отца? Если его родители вернутся или ты потеряешь контроль... ты не такая, как мы, Дюрен. А мистер Лейкен этого не знает!

— Я ему нравлюсь! Ему всё равно! Почему это так плохо?

В кои-то веки Дюрен решила поспорить. Я не перебивал, позволив ей повысить голос. Но теперь Прост кричал:

— Не смей повышать на меня голос! Кто тебя приютил, кто тебя кормил, а? Мы рисковали своими шеями ради тебя!

— Вы делали это только потому, что вас об этом попросила моя мама! А вы давали мне обеды! Мне приходилось спать в сарае с животными! Я никогда... никогда не ела с вами за одним столом! А теперь вы пытаетесь отобрать у меня моего единственного друга!

Теперь это вырвалось наружу. Голос Дюрен был переполнен эмоциями, и я услышал треск дерева под её руками, когда она схватилась за стол. Раздался хруст, и я почувствовал, как стол, за которым я сидел, сломался.

Прост опрокинул стул и отступил к двери. Дюрен уже была на ногах... она не наступала, но я тоже встал, прежде чем кто-то успел что-то предпринять.

— Достаточно. Прост, тебе пора уходить. Я остаюсь здесь с Дюрен, и ничто из того, что ты мне скажешь, этого не изменит.

— Но ты не понимаешь!

Звучало так, словно Прост едва не рвал на себе волосы... если они у него вообще были. Но я чувствовал, что он боялся Дюрен.

Её голос был холоден.

— Если Лейкен хочет, он остаётся. Я о нём позабочусь. А теперь вы должны уйти, мистер Прост. Это мой дом, и вам здесь больше не рады.

Она начала надвигаться, и я услышал, как мужчина выскочил за дверь. Я вышел вслед за Дюрен и услышал голос Проста. Он был далеко от нас, но кричал:

— Ты знаешь, что она такое?! Она монстр! Урод!

Моя кровь закипела в жилах. Я злобно уставился в его сторону.

— Мне всё равно. Уходи и перестань нас беспокоить!

— Ты ничего не знаешь, парень! Она обманывает тебя, притворяясь доброй, но таким, как она, нельзя доверять! Она монстр. Она не человек, она...

— Тролль!

Это слово сказал не Прост. Оно исходило от Дюрен, и это был крик. Моё сердце сбилось с ритма, и тут раздалось больше криков:

— Тролль! Вот! Я сказала это! Тролль, тролль, тролль!

Её голос тяжёлый. Тяжёлый и глубокий, настолько громкий, что, готов поспорить, я слышал, как с деревьев посыпался снег. Она кричала на Проста, заглушая его:

— Почему ты не мог оставить нас в покое? Почему вы должны были ему сказать? Какой вред был бы, если бы я...

Дюрен плакала, всхлипывала, кричала так громко, как только могла, проклиная Проста. Я

услышал и почувствовал, что она упала на колени. В наступившей тишине я слышал только отдалённый хруст снега.

— Он бежит.

Трус. Моё сердце билось слишком быстро, и я чувствовал, как что-то сжимало его. Я в ярости, но сейчас Дюрен важнее.

Я сделал шаг вперёд к ней, медленно протягивая руку. Я коснулся её... и почувствовал её грубую кожу под пальцами. Она не двигалась, только всхлипывала, пока я медленно к ней прикасался.

Рука. Грубая рука, практически рвущая её неуклюже сшитую одежду по швам. Её плечо, что вдвое шире моего собственного. Её мышцы были плотные, словно камень, и кожа, на ощупь напоминающая шкуру слона.

Затем шея, голова. Она похожа на человеческую, но пропорционально большую для её тела. Нос у неё... широкий, и у неё есть брови. И волосы. Длинные и более грубые, чем у человека, но ненамного.

Вот в чём секрет. Вот чего она боялась. Её ужасный, бессмысленный, печальный секрет. Но в одном она солгала, и, когда я коснулся её лица, я узнал. Я увидел всё.

Я пробормотал одно слово в снег, касаясь её слёз:

— Полутроль.

[Император Уровень 4!]

[Навык - Королевский Дар получен!]

День 23

Троль. О чём вы думаете, когда слышите это слово? Мне говорили, что в фильмах есть замечательные образы троллей, но я, очевидно, никогда их не видел.

Поэтому я мог работать только с описаниями троллей, которые читал в историях. Когда я впервые прочитал «Хоббита», в моём представлении тролли были людьми чуть больше среднего роста с акцентом кокни и странными именами. Одного из них звали Берт, ради всего святого!

Но потом я послушал фильм «Властелин Колец», и моё представление о троллях изменилось. В моей голове закрепилась идея какого-то массивного серого человекоподобного существа, которое ревели и размахивало дубиной. Даже когда я читал описания зелёных троллей с отвратительным запахом, образ тролля с каменной кожей и дикой, тупой яростью оставался со мной.

Дюрен не такая. Поэтому, пока я слушал её, я отбросил все представления и предубеждения, которые у меня были о троллях. Все. Я сложил услышанные истории в коробку и выбросил её прочь, потому что она заслуживала то, чтобы самой рассказать мне, кто она такая, а не то, чтобы я судил о ней до того, как узнаю её.

А я знал Дюрен. Она не жестока. Она не злая. И, судя по тому, что она мне рассказывала, тролли тоже не такие.

— Я не знала своего отца. Он... он был бродячим троллем, и я думаю, что он встретил мою маму весной. Он был голоден, а она жила одна и...

Тролли – монстры. Все считают их таковыми, видимо. У них нет цивилизации, как у дрейков или гноллов, но они умнее, чем обычные монстры. Умные, как гоблины, что, возможно, не так уж и много. Я не знаю. Но не все тролли жестоки.

— Он, наверное, не был изголодавшимся, потому что он не съел мою маму. Не все тролли едят... людей.

Мы сидели вместе в доме Дюрен, и она рассказывала мне всё. Не было никаких других звуков, помимо потрескивания огня. Я молча сидел за её сломанным столом и слушал в тишине низкий голос Дюрен.

Она закончила плакать. Вся печаль и страх прошлой ночи ушли, и теперь из неё выходила правда. Всё, что она хотела мне сказать, выплёскивалось наружу. Я чувствовал страх в её голосе, что я осужу её, сбегу от неё. Буду её бояться. Я слушал всё это молча.

— Мама жила одна, вдали от остальных. Она была замужем... кажется, у неё был муж и ещё один ребёнок. Но она потеряла обоих, поэтому у неё была маленькая ферма в отдалении. А папа не был голоден, и она нашла его в своих полях. И, наверное, он ей понравился, потому что через несколько недель она забеременела.

— Вот как они познакомились?

Дюрен заёрзала.

— Я не знаю. Мама никогда не говорила, а жители деревни просто сказали, что мисс Есель однажды пришла и нашла её беременной и одинокой. И следы тролля неподалёку. Думаю, так всё и произошло. Надеюсь, что так. Иначе...

Иначе на её мать напал тролль. И Дюрен никогда не узнает, что из этого правда, потому что её мать мертва, а других жителей деревни там не было. Но они спекулировали, и Дюрен, вероятно, выросла, слушая эти домыслы.

— В общем, маме разрешили остаться, но один авантюрист услышал о тролле и пришёл его убить. Он... он это сделал. А потом он хотел убить и меня, но мама ему не позволила.

— Она растила тебя одна?

— Пыталась. Но после моего рождения она была слишком слаба, потому что я была слишком большой... и она так и не смогла полностью поправиться. Она умерла, когда мне было четыре. После этого деревня приняла меня к себе, но у меня не было дома.

Спала в сарае. Питалась объедками. Я мог только представлять, каково это было.

— Когда я подросла, то поселилась здесь, где жила мама. С тех пор я тут и живу, и жители деревни зовут меня, только когда им нужна помощь. Я была одна и пряталась каждый раз, когда приходили авантюристы. Я пряталась и от других людей, на случай если они посчитают меня опасной. Пока не встретила тебя.

Я понял. Плач в лесу, надежда на то, что я не буду её сразу осуждать, жители деревни, которые хотели отделить меня от потенциально опасного полумонстра.

Всё это имело смысл. В каком-то смысле довольно предсказуемая история.

И какое же это дерьмо. Дюрен не заслужила ничего из этого.

Я тщательно подбирал слова в тишине после признания Дюрен. Я действительно не знал, что сказать, но я знал, чего не говорить.

— Дюрен. Мне жаль, что всё это случилось с тобой. Но для меня это ничего не меняет.

Она сглотнула.

— Лейкен. Я... мне жаль, что я солгала.

— Всё в порядке.

— Нет. Не в порядке. Я должна была сказать тебе. И ты не обязан говорить... приятные вещи. Ты можешь уйти. Я приведу тебя в деревню и извинюсь.

— Зачем мне это делать?

Пауза.

— Что?

— Я останусь здесь. С тобой.

— Но...

— То, что ты полутроль, ничего не меняет. Я говорил тебе об этом, помнишь? Я узнал тебя, и это значит, что я не сбегу только потому, что ты не человек.

— Я... ты не понимаешь. Я наполовину тролль. Авантюристы убьют меня на месте. Если бы я была в городе или посёлке, за мою голову, наверное, назначили бы награду!

— Возможно. Но это не значит, что я уйду. Всё в порядке, Дюрен.

— Нет! Перестань быть таким хорошим!

— Дюрен, успокойся. Я не расстроен.

— Я знаю! Но... это не пустяк! Перестань быть таким добрым ко мне! Я... я не человек! Я не нормальная! Не притворяйся, что тебе всё равно!

— Мне не всё равно. Но я тебя знаю.

— Нет, не знаешь. Ты не можешь видеть... ты бы никогда не доверился мне, если бы мог видеть.

— Это то, что тебе сказали жители деревни. Но они ошибаются. Они смотрят на тебя и видят монстра, но они ошибаются. Они. Не. Правы. Ты понимаешь это, Дюрен?

— ...Я не могу. Нет.

— Дюрен? Куда ты идёшь? Дюрен? Дюрен!

Я вскочил на ноги, когда дверь распахнулась. Внутри ворвался холодный зимний ветер, и я услышал тяжёлые шаги. Я побежал за ней, крича:

— Дюрен!

Только оказавшись на улице, я осознал, что, возможно, мне следовало дать Дюрен больше места. Она права; я относился к этому, как к пустяку. Я должен был показать больше удивления, которое бурлило внутри меня.

Но я не хотел ранить её чувства, и я всё ещё придерживался своих слов. Как такая милая и заботливая девушка могла быть монстром?

А теперь я бежал по снегу без трости. Стоило мне это осознать, как я замедлил шаг.

Вот дерьмо. Снег вокруг меня глубокий, я слепой, и подо мной нет ничего похожего на тропинку, по которой я мог бы идти.

Я заблудился.

Несколько секунд я просто вертелся на месте, пытаюсь отыскать свои следы на снегу. Но я не смог их найти. Я звал Дюрен, но она не отзывалась. Я один, и я уже чувствовал, как холод пронизывал мою одежду.

Это, наверное, самый страшный кошмар любого слепого человека. Без каких-либо инструментов я едва ли смогу найти дорогу назад, а без людей или ориентиров в такую

морозную погоду... я труп.

Я начал идти вперёд, пытаюсь нащупать хоть что-нибудь, напоминающее мне о домике Дюрен. У меня нет выбора. Либо я могу остаться на месте и надеяться, что Дюрен вернётся – а её может не быть несколько часов, – либо я попытаюсь вернуться в дом самостоятельно.

Я пробежал совсем немного. Но это расстояние может исчисляться милями, как мне кажется. Этот проклятый снег! Всё продолжает и продолжает сыпаться с неба, делая всё незнакомым. Даже мои следы... я старался распинать как можно больше снега, чтобы потом отследить свои шаги.

Ладно, пойдём... десять шагов в эту сторону. Нет? Я не почувствовал ничего знакомого, поэтому попытался пойти обратно по своим следам. Я их нашёл и вернулся примерно туда, где, как мне кажется, я был раньше. Теперь сюда. Нет?

...Куда делись мои следы? Я завертелся вокруг в замешательстве. Снег... он слишком толстый! Я наклонился, но мои руки чувствовали только тот же уровень снега вокруг меня. Словно я здесь стоял всегда.

О нет. Я начал паниковать. Я споткнулся и пошёл вперёд, нащупывая дорогу.

Гах! Чёрт, я только что врезался в дерево. Это плохо. Я в лесу. Я попытался повернуть назад, но я не уверен на 100%, что не углублюсь дальше в лес.

Ещё одно дерево. И теперь я пытаюсь услышать хоть что-нибудь, что сможет помочь мне найти дорогу к дому Дюрен.

Я могу здесь умереть. Я сделал глубокий вдох.

— Дюрен! Я заблудился! Ты можешь...

Я споткнулся. Мой мир сместился, и я сильно ударился о землю. Моя нога за что-то зацепилась! Это не корень дерева...

Я пополз назад, к тому, что было в снегу. Я молился, что споткнулся об одно из растений Дюрен в её саду.

Это было не растение. Точно не растение. Это нечто было частично зарыто в землю и тяжёлым, как могла подтвердить моя ноющая нога. Я ощупал это.

Не камень... внешняя сторона грубая и шершавая. Мешок? Да! Я нащупал отверстие и две завязки. Охваченный любопытством, несмотря на холод, я развязал верёвки.

Это какой-то мешок с удобрениями? Но нет, с чего бы...

Секунду. Мои пальцы наткнулись на что-то твёрдое в мешке и отдёрнулись. Я потрогал снова. Что-то зазвенело, когда я это сдвинул.

Круглые, твёрдые предметы. Их много. Я ощупал их, поднял один и выронил.

— Какого чёрта?..

Звень. Звень.

Есть только одна вещь, которая издаёт такой манящий, притягательный звук. И вес! Я дёрнул мешок, но не смог заставить его даже сдвинуться из промёрзшей земли.

Неужели это то, о чём я думаю? Серьёзно?

— Лейкен! ЛЕЙКЕН!

Я услышал, как кто-то выкрикивал моё имя вдалеке. Я тут же встал и закричал в ответ:

— Дюрен? Сюда!

Сразу же после этого я услышал грохот в лесу. От Дюрен разлетелись ветки, и она упала рядом со мной, засыпав меня снегом. Я начал отплёвываться, а потом почувствовал, как меня обхватили две руки.

— Прости меня! Прости! Я не знала, что ты здесь!

— Всё в порядке! Дюрен! Ты меня сейчас раздавишь!

Она сразу же меня отпустила. Я втянул ртом воздух... я слышал о медвежьих объятиях, но это первый раз, когда я почувствовал, что кто-то мог буквально меня расплющить.

— Прости!

— Всё в порядке. Я очень рад, что ты меня нашла. Дюрен, мне очень жаль.

— Нет, я...

Я схватил её за руку. Она молчала, и я тоже. Несколько секунд я просто слушал, как билось моё сердце и как тихо падал снег. Кожа Дюрен шершавая. Грубая, но не неприятная.

— Знаешь, это первый раз, когда я по-настоящему прикасаюсь к тебе.

— Правда?

— Правда. Ты мне помогала, но обычно я хватал тебя за одежду.

А до этого она никогда не позволяла мне прикасаться к себе. Я почувствовал, как Дюрен сглотнула, пока я её держал.

— Ох.

Мы стояли так в тишине некоторое время. Затем я вспомнил про промораживающий до костей холод.

— Думаю, нам пора возвращаться.

— Точно! Давай я тебя понесу.

Дюрен хотела меня поднять, но я покачал головой.

— Я нашёл кое-что в земле. Можешь вытащить?

— В земле? Где?

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы снова найти мешок. Дюрен погребла его под снегом, когда прибежала. Но, когда я указал на него Дюрен, она его подняла. Звук был такой, словно она вырывала с ним огромное количество земли, и я прикрыл лицо, когда часть грязи полетела на меня.

— Что это за мешок? Я никогда. Ох.

Её голос внезапно смолк. Я заводил руками, а затем нащупал мешок в её руках. Я потянулся к открытому верху и достал два тяжёлых маленьких круглых предмета.

— Эй, Дюрен. Не могла бы ты рассказать мне, что ты видишь? Я не хочу забегать вперёд, но...

Я постукал круглыми предметами друг о друга и услышал восхитительный звон металла о металл. Каждая монета тяжёлая, и ещё я нащупал в мешочке неровкие гладкие камни. Так, так, так.

— Я могу ошибаться, но надеюсь, что это не так. Потому что если я прав, то это золотая монета. А это зарытое сокровище.

Я отнёсся к этому удивительно спокойно. Ну, до тех пор, пока мы не вернулись в дом и не начали считать.

— Это всё золото! — воскликнула Дюрен, когда я положил очередную монетку на аккуратную стопку из пяти штук на столе.

Мне приходилось двигаться осторожно, чтобы не опрокинуть стопки, но с помощью Дюрен мы наконец-то подсчитали содержимое таинственного мешка.

— Сто сорок одна золотая монета и восемь драгоценных камней.

Я откинулся на стуле и потянулся за кружкой чая. Дюрен сунула её мне в руки, и я принялся смаковать тепло. Мне всё ещё было немного холодно после моего небольшого похода наружу.

— Это целое состояние. Огромное состояние! Откуда оно взялось?

— У меня есть подозрения.

Я чувствовал любопытство Дюрен и улыбнулся. Сокровище, которое я нашёл, смогло её успокоить. Она забыла о своих бедах, чтобы насладиться сиянием золота. Сам я не видел в нём ничего привлекательного. Для меня это просто тяжёлый металл, но мне говорили, что он очень ценен.

А в данном случае тут буквально больше денег, чем Дюрен когда-либо видела в своей жизни. По её подсчётам, я могу буквально купить Риверфарм шесть раз. Как минимум. Она понятия не имела, откуда взялись эти деньги, а я сомневался, что кто-то вот так просто оставил в земле целое состояние. Но у моей удачи могло быть и другое объяснение.

— [Королевский Дар]. Это точно должен быть мой Навык.

Это немного щекотало моё чувство юмора, что я получил навык, вероятно, предназначенный для [Королей]. У меня не было времени даже поинтересоваться, что он означает, но это довольно хороший намёк на то, что делает этот Навык.

— То есть ты получил деньги благодаря Навыку?

— Возможно. Скорее всего, если у меня есть навык [Королевский Дар], то я не могу быть бедным. Ну, знаешь, как у [Короля] всегда должны быть деньги? Ты не слышала, чтобы такое случалось раньше?

— Нет. Никогда! Но... я слышала об [Охотниках За Сокровищами], которые могут найти зарытые клады. Но зачем такой навык [Императору]?

— Возможно, потому что у любого правителя должны быть деньги? Разве не логично, что этим будет заниматься навык?

— Да, но навыки обычно не настолько сильны! Не на ранних уровнях!

— Верно. Ты упоминала об этом. Обычно люди получают более слабые навыки на низком уровне. Только когда они поднимаются выше 30-го Уровня, навыки становятся мощными, так? Но, может быть, для [Императора] этот навык – ничтожный по сравнению с остальными.

— Я не могу в это поверить. Просто не могу.

— Это, конечно, полезно, хотя мне интересно, как мы всё это потратим. Здесь не так уж много магазинов.

— Мы?

— Я же говорил тебе, Дюрен, я остаюсь с тобой. И ты помогла мне откопать эту штуку. Без тебя я бы замёрз там за несколько минут.

— Но...

— Дюрен.

Я протянул руку и коснулся её. На этот раз мне под руку попался её бок. Она замерла, но я перевёл руку вверх, нащупав её лицо и почувствовав, как она дрожала.

— Дюрен. Я никуда не пойду. И мне всё равно, полутроль ты, или полугоблин, или полулягушка. Ты такая, какая есть, и ты нравишься мне такой. Ты можешь убежать, и я, возможно, не смогу последовать за тобой по снегу, но, когда ты вернёшься, я буду ждать. Так почему бы просто не остаться?

Я чувствовал себя глупо, и я уверен, что мои слова не имели особого смысла. Но Дюрен дрожала, и я чувствовал влагу на своих пальцах.

— Я не знаю, что делать. Я хочу, чтобы ты остался, Лейкен. Хочу. Но что, если... что скажут другие?

— Что они скажут - это их дело. Не твоё. Я же спрошу тебя, Дюрен, могу ли я остаться здесь?

— Да. Пожалуйста.

— Тогда всё решено.

— Но ты и я... Я не знаю, что мне делать... Я, скорее всего, такая странная для тебя.

— Немного. Но это потому, что я ещё тебя не до конца узнал. Я узнал многое, но... Дюрен. Ты позволишь мне прикоснуться к тебе? Я не могу видеть, но я хочу узнать тебя лучше.

— Ты... что, если ты меня возненавидишь?

— Я никогда этого не сделаю.

— Тогда... могу я тоже прикоснуться к тебе?

— Конечно.

Грубая рука, палец нежно прикоснулся к моему лицу. Касание лёгкое, словно пёрышко. Я чувствовал лицо Дюрен, прослеживал контуры её черт, пытаюсь понять её по-своему. Она прикасалась ко мне нежно, словно никогда раньше не прикасалась к другим живым существам.

Я медленно спустился от её лица вниз. Дюрен вздрогнула, но её прикосновения были так же легки. Мне любопытно, и ей тоже. Слов не было, но мне кажется, что в этот момент мы полностью понимали друг друга.

Больше никаких секретов. Больше никаких скрытых истин, неправды и недобрых слов. Только лёгкие прикосновения, интимный вопрос, сказанный шёпотом от одного человека к другому.

И ещё больше прикосновений, но я не буду говорить слишком много об этом. Падал сильный снег, а мы с Дюрен исследовали друг друга в теплоте дома. Мы те, кто мы есть. Не больше.

Не меньше.

День 24

Мне кажется, что я не должен делиться подробностями этого дня. Скажем так: сегодня груда золота и драгоценностей оставалась почти нетронутой, пока мы случайно не опрокинули стол.

Оказывается, когда на тебя падает золото, то это больно.

День 25

Мм. Всё то же, что и вчера, правда. Но мы поговорили о будущем. Мы говорили, и я её рассмешил. Мы посмеялись, как раньше. Как, я надеюсь, будем и впредь.

День 27

Когда мы с ней завтракали, Дюрен позвала группа детей. Им нужна была помощь: в деревне под тяжестью снега обрушилась крыша, и жителям нужно было, чтобы Дюрен подняла балку.

Я сказал ей не ходить. Дюрен хотела помочь. В конце концов, я дождался её возвращения. Когда она вернулась, то была расстроена.

Слёзы, горячие и мокрые, падали на кончики моих пальцев. Кожа Дюрен на ощупь напоминала растрескавшийся камень, когда я касался её щеки. Мечи или стрелы с трудом пробьют её кожу.

Но слова? Слова режут глубже всего.

— Я не знаю, что делать. Я не монстр! Но они думают, что я похожа на своего отца. Я не знаю, что делать, Лейкен...

Я тоже. Но мне невыносимо было чувствовать, как она плачет.

— Я ничего не могу делать. Только поднимать тяжести. Как животное. Это всё, что я делаю. Я не могу строить или готовить. Я едва могу выращивать овощи...

— Шшш.

Ей потребовалось много времени, чтобы заснуть, но в конце концов она это сделала. Я сидел, пока во мне, словно змеи, боролись гнев и печаль. Что я могу сделать? Что я могу...

Что я могу сделать для неё?

И тогда я придумал.

День 28

— Это как [Рыцарь]?

— Почти. Но лучше. В конце концов, любой обычный монарх может сделать [Рыцаря]. Но только [Император] может дать кому-то этот класс.

Дюрен заёрзала рядом со мной. Я взял её за руку и почувствовал, как она дрожала.

— Я не уверена, что я воин.

— Ты [Фермер]?

— Нет. Я так тоже не думаю.

— Тогда попробуем. Они не всегда были воинами. Культура просто интерпретировала их таким образом спустя некоторое время. До этого они были просто слугами. Великими воинами, да, но они служили Карлу Великому не только в бою. По-моему.

На самом деле, я не потратил так много времени на изучение этимологии этого класса, хотя однажды я играл им на сессии в D&D. Ну да ладно.

— Если ты хочешь им стать, я тебя им сделаю.

— Вот так просто? Это звучит слишком легко.

— Это не так. Я единственный [Император] на этом континенте; только я могу выбирать, кто достоин этого класса. И из всех людей в мире нет никого, кого бы я хотел видеть рядом с собой больше, чем тебя, Дюрен.

— Я... пожалуйста. Я не хочу быть просто [Фермером].

— Тогда встань на колени.

Я почувствовал, как она склонилась передо мной. Я протянул руки и положил их ей на плечи.

— Я посвящаю тебя, Дюрен. Я именую тебя своим [Паладином], моим главным чемпионом, который будет меня защищать и служить мне. Сделаешь ли ты это?

— Да.

Она прошептала это, но затем повторила громче:

— Да!

Что-то изменилось. Совсем чуть-чуть. Я наклонился к Дюрен и поцеловал её. В лоб, а потом и в другое место.

— Это тоже часть посвящения в [Паладины]?

Я не смог не рассмеяться.

— Я буду крайне удивлён, если да.

Она поднялась, и я почувствовал, что в ней что-то изменилось. Едва уловимо. Но я понял, что это было, когда засыпал. Возможно, это не уверенность; пока нет. В ней не было заметной перемены, не было внезапного сдвига. Но сейчас у неё появилось то, чего у неё никогда не было. И оно медленно росло, словно одно из семян на её огороде.

Цель.

День 29

— Я... я [Паладин].

Вот что сказала Дюрен, когда я проснулся. Я улыбнулся и обнял её, пока она смеялась и кричала:

— Я [Паладин]!

День 30

За месяц многое может произойти. В случае с погодой атмосфера изменилась от приятно тёплой осени до наполненной метелями зимы почти за одну ночь.

Похоже, даже сейчас снег не перестаёт падать. Дюрен дважды выходила расчищать дорогу. Она делала это быстро и эффективно... даже самый глубокий снег разлетался прочь, если она напрягалась.

За месяц многое может измениться и в людях. Девушка, которая убегала от детей и измывательств, превратилась в кого-то другого. В кого-то достаточно уверенного в себе, чтобы прогнать назойливых маленьких монстров, которые говорили ей, что она должна помочь деревне, полной идиотов и фанатиков. Теперь она ходит и говорит по-другому.

И я, я тоже сильно изменился. Во-первых, молодой человек по имени Лейкен Годарт внезапно стал [Императором] и нашёл кого-то, кого можно любить. Это должно чего-то стоить.

В небольшом домике в нескольких милях от деревни Риверфарм сижу я. Я - Император Незримого, защитник Дома Дюрен. У меня есть одна подданная... или лучше сказать, консорт? Она полутроль, девушка по имени Дюрен.

И она прекрасна. Она была [Фермером], но теперь она [Паладин], и никто из нас не знает, что это значит. У меня есть мешок золота, а в деревне полно дураков, которые не могут принять Дюрен такой, какая она есть.

У меня нет зрения, но у меня есть мечта. Великая, в которой мы с Дюрен покидаем это место,

которое она никогда не сможет назвать домом. Или, может быть, мы изменим его. Но в любом случае я знаю, что мы это сделаем. Я - [Император], и ради неё я изменю мир.

И мы это сделаем.

Вместе.

<http://tl.rulate.ru/book/2954/2846289>